

ЕЩЕ ОДНА МИФОЛОГЕМА

Появление коллективной монографии "Реформирование России: мифы и реальность"¹, выпущенной столь компетентными авторами, на первый взгляд обещало дать интересный аналитический материал, вселяло надежду на то, что социологический анализ, выполненный на высоком профессиональном уровне, позволит, наконец, освободиться от мифологии последних лет, с методичностью навязываемых обществу средствами массовой коммуникации. Однако при внимательном чтении разочаровывает буквально каждая страница.

Цель авторского коллектива сформулирована в предисловии. Она заключается в том, чтобы "выявить социально значимые факты", при намеренном отказе от "аксиологических и идеологических оценок". Но буквально следующая фраза уже преступает провозглашенный принцип: "вряд ли результаты реформ можно признать положительными", он последовательно нарушается на протяжении всей книги.

Вызывают вопросы сформулированные уже в предисловии позиции авторов. В числе основных векторов, которые определяют направленность социально-политических изменений, исследователи назвали две политические группы: партноменклатура (реформаторы сверху) и творческая и научная интеллигенция (реформаторы снизу). Далее без определения социального статуса названа некая третья группа - реформаторы-реалисты, политическая сила, "которая выступала за проведение реформ с учетом объективных потребностей и закономерностей развития всего общества" (с. 13-14). Невольно возникает вопрос, а что, две первые не учитывали общественные потребности? Почему эта группа выделяется по такому странному основанию? Кроме того, полюсное построение континуума, в котором разворачиваются социально-политические события, слишком схематизирует и упрощает логику анализа, оставляя за скобками социально значимые факты. Но в самом тексте мы не находим действительного анализа векторного влияния вышеперечисленных элитных групп. Сюжет каждой главы разворачивается по принципу описания биопсихологического опыта: правительство (экспериментатор) неким образом воздействует на общество (испытуемый) и затем рассматриваются последствия этих опытов, причем без строгой опоры на цифры эмпирических исследований. Ни о каком многовекторном воздействии на ситуацию в обществе речи не идет, хотя заявлено, что в расчет бралось влияние еще двух социально-политических групп: криминальных и националистических элементов.

Одним из самых досадных недостатков книги является не просто плохой анализ эмпирического материала, но попросту его игнорирование. Иногда возникает мысль, что он приведен в книге в качестве декорации. Так, например, в главе 3 ни одна из 7 таблиц не откомментирована в тексте. Читателю предоставлено право самому разбираться с большим массивом цифровой информации. И, разобравшись, понимаешь, что текст - про одно, а цифры - про другое. Так, в разделе "Политическая дестабилизация" приведена таблица 18 "Отношение населения к партиям и движениям". А в тексте нет об этом ни слова, зато очень кратко анализируется перегруппировка политических сил и прогнозируется возникновение очередной разновидности авторитарно-бюрократической системы. Таблицы 19 и 20 в разделе "Международные конфликты" показывают отношения населения к образованию СНГ и соотношение основных факторов, вызвавших социальную деградацию. Комментарий таблиц отсутствует, а в тексте прогнозируется, что "Полный развал страны предопределяет и более ускоренный распад Российской Федерации" (с. 91). Но мне, как читателю, хотелось бы, чтобы было показано, на какие эмпирические данные опирались исследователи, делая такой вывод.

Некоторые главы, например, 4, 7, 8 вообще написаны без опоры на эмпирические данные. Они представляют собой описание неких социальных модальностей, концепций видения ситуаций. Но позвольте, а как же позиция авторов (выявление социально значимых фактов), заявленная в предисловии? Эти главы относятся к мифам или реальности? Если в контексте текущих событий такие доклады института, вероятно, необходимы, актуальны, то публикация их в издании, которое выходит несколько лет спустя, делает их бессмысленными.

Богатейший эмпирический материал зачастую остается без внимания, а сделанные на его основе выводы поражают произвольностью трактовок. Так, на с. 43 авторы утверждают: "социологические данные свидетельствуют, что в стране не осталось людей, которые бы считали, что перестройка оправдывает их ожидания". Однако таблица 10 на с. 55 (кстати, некорректно представляющая материал, в сумме нет 100%) показывает отношение населения к деятельности органов власти. Из нее видно, что от

¹ Реформирование России: мифы и реальность. М: Academia, 1994. 384 с.

43% до 71% населения одобряли действия российских органов власти, следовательно, надеются на положительные последствия реформирования, что противоречит вышеприведенным утверждениям авторов. Другой пример вольного использования цифр: в таблице 25 даны распределения ответов на вопрос: "Как долго Вы сможете терпеть рост цен, дефицит товаров и другие тяжелые последствия реформ, проводимых ныне в стране?" Можно спорить даже о корректности формулировки вопроса, где уже запрограммированы негативные ответы в виде прилагательного "тяжелые", и, помимо этого, есть противоречие: с ростом цен почти сразу дефицит товаров был преодолен, но это другой аспект. Таблица показывает, что по России в целом 26% готовы терпеть сколько угодно, 24% затруднились ответить, 22% не знают точно, но долго терпеть не будут. Границы своего терпения определили 8% - 2-3 месяца и 20% - еще полгода — год. Однако в тексте авторы с помощью нехитрого приема суммирования затруднившихся ответить и не определивших точно границы своего терпения уверяют, что 46% россиян "осознали, что так жить долго не смогут" (с. 112). И далее следует еще более категоричный вывод: "Быстро увеличивающийся разрыв между социальными ожиданиями, надеждами на скорые перемены к лучшему и направленностью происходящих изменений, ...ведет к опасному накоплению массового недовольства в обществе".

На с. 157 утверждается, что "неприятие любых партий было характерно для 60-80% россиян", и делается ссылка на таблицу 32. Однако в таблице 32, так же, как и в таблице 56 (с. 233), в строке "не испытываю доверия ко всем партиям и движениям" приводится цифра 60%. Откуда же взялся разрыв в 20%? Почему авторы в угоду своим концепциям позволяют прибавить такую цифру?

Принятые в науке правила цитирования эмпирических данных требуют, чтобы были указаны размеры выборки, особенности опроса, и сумма альтернативных ответов равнялась 100%. Тем не менее этими требованиями пренебрегли многократно и тем самым показали действительное отношение к социологическим исследованиям. Таблицы 5, 10, 11, 14, 19, 20, 24, 36, 37, 39, 42, 44, 45, 58, 60 неполны, суммы ответов либо превышают, либо меньше 100%.

Примеры такого же рода произвольного отношения можно множить, но даже приведенных уже достаточно, чтобы понять: книга написана с определенных концептуальных позиций. Заявленный в предисловии нейтральный научный подход совершенно не выдерживается в тексте книги. Мы постоянно встречаемся с "приговорами" и "рекомендательными" пассажами. На с. 169, например, читаем: "Правительство, которое поощряет коррумпированную часть чиновничьего аппарата и теневых дельцов к захвату и дележу общенародной собственности, не может иметь широкой социальной поддержки". На с. 175 дается оценка средств коммуникации: "Неумело в данном контексте действуют и СМИ, которые слабо используют свои возможности по сближению народов". Читая многие места в книге, невозможно отделаться от стилистических аналогий ее текста с постановлениями Политбюро ЦК КПСС или материалами партсъездов. Но если тогда умолчание механизмов реализации поставленных задач было нормальным, так как существовал всем известный единственный способ их достижения, то аналогичные пассажи в тексте рождают невольный вопрос: кто и какими силами эти предначертания будет реализовывать? В тексте ответа на такие вопросы мы не найдем.

Появление объемной монографии опять демонстрирует претензии не столько представить социологию наукой об обществе, сколько утвердить за собой право выносить оценки по поводу верных или неверных путей развития общества, делая тем самым науку заложницей политических амбиций. Что же, история социологии, как науки, повторяется?